

I N G R I D N O L L

И Н Г Р И Д

Нолль

*Почтенные леди,
или К черту условности!*

Делай что хочешь, и будь что будет!



«Ее территория — это незанятое пространство между детективом и семейной драмой, между женским романом и домашним хоррором».

Der Spiegel

Ингрид Нолль

Почтенные леди, или К черту условности!

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658227

Ингрид Нолль. Почтенные леди, или К черту условности!: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-70862-8

Аннотация

Лора и Аннелиза жили в пуританские времена и вынуждены были вести себя как благовоспитанные леди. Но сейчас, когда им уже далеко за..., они имеют право отринуть условности.

В конце концов, они никому ничего не должны, а значит, могут жить как хочется. А хочется веселья и приключений. Значит, вперед! Будем делать что хочется, и будь что будет!

О том, что же будет, если две благовоспитанные, почтенные леди пустятся во все тяжкие, Ингрид Нолль рассказывает с присущей ей иронией и так заразительно, что читателю хочется немедленно последовать примеру ее героинь.

Содержание

1	4
2	9
3	13
4	18
5	23
6	28
7	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Ингрид Нолль

Почтенные леди, или К черту условности!

1

Я всегда держу в машине пилочку для ногтей. Как остановлюсь на красный свет, так и принимаюсь за очередной ноготь. Я никогда не тратила время попусту, всегда спешила, и, за что бы ни принималась, мне удавалось быть впереди коллег по работе.

Все это уже в прошлом. Я вообще с трудом мирюсь с различными возрастными явлениями, но потерю былой проворности переживаю больше всего. Мои дни слишком коротки, чтобы довести до конца все, что намечалось. Оставшейся жизни не хватит, чтобы прочитать книги, что отложены в очередь, выучить новый язык или закрыть темные страницы прошлого. И все же мне столько проблем не дают покоя, даже самые приятные и нежные запахи способны вызвать воспоминания о горьких обидах.

Вот и роскошную цветущую сирень мы, наверное, любим из-за ее преходящего великолепия. Только-только утомленная долгой зимой душа порадуетсЯ пышному, источающему сладковатый запах букету белых, сиреневых или фиолетовых зонтиков в вазе, и они уже начинают осыпаться.

Сначала появляются нежные бледно-голубые звездочки, которые ветер сдувает на садовые дорожки, потом они посыплются дождем, потемнеют до цвета чайных листьев и станут прилипать к подошвам. Скоро от них останутся лишь темные семенные коробочки, которые неизбежно будут навевать мысли о короткой весне.

До того рокового вечера, двадцать четыре года назад, я любила цветущую сирень, считала наш брак стабильным и уже строила планы, как бы затеять большой праздник по случаю нашей серебряной свадьбы.

Конечно, за столько лет мы с Удо стали другими, но как за это же время изменилось все вокруг! Кто сейчас помнит, какими щепетильными были люди в послевоенные годы, когда мы познакомились? Молодые сегодня живут не расписываясь. В 1963 году мы посмотрели «Молчание» Бергмана и были потрясены. Вновь и вновь возвращались к этой теме и учились смотреть на проблемы иначе, чем раньше, с трудом избавлялись от предрассудков и даже похаживали на нудистский пляж на острове Зюльт во время отпуска. В бунтарском 1968 году мы ощущали себя уже слишком старыми, чтобы поддержать всенизвергающие призывы студентов, хотя идея свободной любви показалась нам соблазнительной. Лишь много позже я поняла, насколько сильно было у поколения Удо ревнивое отношение к противоположному полу, как страшно они страдали от того, что уже в раннем возрасте осознавали свою принадлежность к истеблишменту и регулярно спали друг с другом.

Тот майский воскресный день, когда я в последний раз с легким сердцем вдыхала аромат сирени, не забуду до конца жизни. Вечерами мы сидели на террасе, поскольку было еще светло и тепло.

– Надо опять сделать крешон из ясенника, – произнесла я и вдруг поняла, что уже час разговариваю сама с собой.

Муж паялился в пустоту. Впрочем, неудивительно, если учесть, как много времени и сил отнимала у него работа.

Неожиданно он заговорил, и мне показалось, будто ясенник его не интересует.

– Мне нужно сказать тебе кое-что, Лора.

– Сирень почти отцвела, как жаль! – перебила я, поскольку в его изменившемся голосе уловила опасность. Чтобы оттянуть хотя бы на пару минут неизбежное, я принесла с кухни щетку и смела с клеенчатой скатерти садового стола опавшие цветы.

Однако от неизбежного не скроешься, и мне пришлось выслушать признание мужа. Удо требовал развода, так как от него забеременела некая значительно более юная особа, которая теперь желала, чтобы он женился на ней.

Только бы не зареветь, подумала я. Все вернется на круги своя. Не надо сейчас его провоцировать, не то он наломает дров из упрямства. Будь умницей. Мы и не через такое проходили. Скоро Удо поймет, что не сможет меня вот так запросто поменять на другую. Будем действовать конструктивно, а пока ни в коем случае не следует рубить сплеча. Надо дать слово нашему Кристиану, пусть надавит папочке на совесть!

– Беременность в наше время не повод для свадьбы, – попробовала я осторожно аргументировать свою защиту.

Удо поднял голову:

– Для тебя, может, и не повод, но она из традиционной католической крестьянской семьи, у таких внебрачный ребенок по-прежнему позор.

В подобной ситуации ни о каком аборте и речи быть не могло. Довольно долго я хранила молчание. Во мне вскипала злость на набожную крестьянскую дочь, положившую глаз на отца семейства. Я знаю Удо целую вечность, и он меньше всего подходит на роль неукротимого обольстителя, подкатывающего к невинным деревенским простушкам.

– Она тебя элементарно одурачила.

– Что ж тут... – пробормотал мой муж, не посчитав даже нужным утаить, как радуется будущему отпрыску.

Когда у нас родился сын, Удо так самозабвенно боролся за карьеру, что не успел заметить, как быстро подрос его ребенок.

– А нельзя это наверстать, когда станешь дедушкой?

– У женщин все по-другому, – объяснил мне супруг, – это мужчина в пятьдесят еще не старик.

Последняя реплика вывела меня из себя. В порыве чувств я мазнула щеткой ему по физиономии так, что слетели очки, и, зарыдав, убежала в дом. Жаль, что нос и очки остались целыми.

С того дня я больше не люблю сирень. Да что там сирень, сама весна в принципе мне стала внушать опасения. К счастью, в саду у Аннелизы сиреневый куст уже выпустил коричневые ноготки, а здесь зацвели первые летние цветы – живокость, водосбор, розы и колокольчики. Пройдет немного времени, и вспыхнет радостным желто-яичным цветом вербейник. Мы с подругой этим летом решили вкушать радостей жизни по полной: в данный момент мы обедаем на теплой террасе, и такие обеды вошли у нас в ежедневную практику. И все-таки моим любимым временем года была и остается осень, хотя зима, наверное, больше соответствовала бы моему преклонному возрасту и седым волосам.

Но в тот день, двадцать четыре года назад, волосы у меня были темными. Но я все равно находилась в отчаянии. Аннелизе постоянно приходилось утешать меня. Мне становилось еще горше оттого, что она при этом в теплых словах разрисовывала наше общее с ней будущее. Однажды моя подруга навестила тетю в доме престарелых и с тех пор твердо решила, что никакая сила не заставит ее выселиться из своего уютного домика.

– Не могу представить, как бы я жила без своего сада! А если Харди перестанет косить траву и подрезать живую изгородь? Недавно у меня было видение: что ты скажешь о маленьком женском коммунальном товариществе?

Реальность была такова, что ее муж, которого на самом деле звали Буркхард, не мог похвастаться крепким здоровьем. Аннелиза была уверена, что переживет своего Харди лет на десять, а то и больше, и не стеснялась в намеках на сей счет. Иногда в шутку мы уже тогда фантазировали, как будем вдовствовать в этом доме: Аннелиза займет две комнаты на нижнем этаже, я – две комнаты на верхнем, кухню и приготовление пищи мы планировали поделить, две мансарды отвести для наших детей, а соседнее помещение должно было стать гостевой комнатой.

Раз в два года мы вновь принимались за наш план, однако его осуществление отодвигалось на неопределенный срок, поскольку Буркхард, несмотря на свои болячки, оказался на удивление живучим. А когда он все-таки неожиданно умер, мне не захотелось бросать работу, – я мало успела поработать, поздно начав карьеру. Кроме того, после развода в родительский дом вернулась рано вышедшая замуж младшая дочь Аннелизы. Какое-то время она рассчитывала пожить на бесплатном пансионе и поселилась в рабочем кабинете.

И вот уже четыре недели, как мы счастливо объединились под одной крышей и по-прежнему считаем, что это было самое правильное решение в нашей жизни, разве что оставалось отрегулировать мелочи. От стрессов, нажитых в период супружеской жизни, не осталось и следа. Женщины вообще лучше мужчин переносят психические перегрузки, они миролюбивее и склонны в любых ситуациях идти на компромисс.

Один наш знакомый архитектор разработал проект перестройки дома под новые потребности. Ради второй ванной ему пришлось несколько уменьшить прихожую и гардероб. Аннелизе проект показался чересчур дорогостоящим, и она не могла его себе позволить. Подруга отказывалась ввязываться в перестройку дома даже после того, как я предложила взять расходы на себя. Мне вообще не следовало ни в коем случае давать почувствовать, что у меня с деньгами ситуация лучше, чем у нее. В итоге Аннелиза оставила за собой жилую комнату и столовую на первом этаже, но при этом заняла спальную на втором рядом с моей. Ванной мы пользовались попеременно. По мне, так лучше бы мы пошли на переделку, но ведь это не мой дом! В общем, из-за подобных пустяков я не стану переживать.

Для меня важнее, что в теплое время года мы могли сидеть на воздухе и вдыхать аромат шалфея, который разросся пышным кустом прямо перед носом. Сколько времени миновало с той поры, когда у меня был собственный сад! После развода Удо продал дом, а позже у меня был лишь маленький балкон.

Кроме платы за свои личные апартаменты я оплачивала уборщицу и садовника, который выполнял работы, требовавшие больших усилий. До настоящего времени Аннелиза готовила часто и вкусно. Когда наступала моя очередь, я лезла в морозильник, вытаскивала первый попавшийся под руку полуфабрикат и загружала в микроволновку. Однажды я заказала пиццу с доставкой, однако Аннелиза сочла эту выходку непристойной. В остальном нашу жизнь вполне можно было назвать райской. Мой сын Кристиан живет в Берлине. Во времена, когда я обитала в Висбадене, он частенько заруливал ко мне, когда выезжал в командировки, – от франкфуртского аэропорта до меня было рукой подать. Теперь ему стало сложнее. Тем не менее в последний раз Кристиан нашел время выбраться к нам в Шветцинген.

– Хотел взглянуть, какое ты тут свила гнездышко, а заодно проверить, как вы друг с другом ладите, – шутливо произнес он. Однако внимательно осмотрел все помещения от мансарды до подвала.

– Может, вам следует... – начал Кристиан нерешительно и закашлялся, чтобы выиграть время и найти более дипломатичную форму. – Все выглядело бы еще симпатичнее, уютнее и практичнее, если часть старой мебели выбросить на помойку. – Он замолчал, увидев наши испуганные лица. – Без обид, я не хотел вас задеть. Но у вас тут не пошевелиться. Все углы забиты!

Сын, конечно, прав. Но что поделаешь, если мы обе тяжело расстаемся с вещами? У каждой из нас свои привычные вещи, мы срослись с ними за долгие годы, и со временем их накопилось так много, что каждой хватит на целую семью. В моем случае и того хуже: благодаря наследству, у меня все вещи в двух экземплярах, поэтому пришлось бы так или иначе распрощаться с очень многими любимыми предметами. Например, накануне переезда я оставила кухню семье беженцев, с собой взяла только микроволновку. Казалось бы, пустяк, однако Аннелиза отнеслась к ней как к инородному телу. Да, и сама пожалела, что не взяла с собой кухонную плиту со стеклокерамическим покрытием, которая была современнее, чем плита моей подруги.

Кристиан не согласился остаться у нас на ночь – фирма оплачивала ему гостиницу. У меня зародилось подозрение, что он потихоньку изменял жене. Впрочем, какое мне до этого дело?

После уговоров Кристиан задержался еще на бокальчик вина и с удивлением наблюдал, как Аннелиза на глазах превращалась в раскованное веселое существо. Я уже не первый год отмечаю, что стоит мужчине переступить порог, как у нее меняется голос. Ее веселость заразила и меня, так что под конец мы вместе с ней стали хором петь популярные песни нашей молодости.

Кристиан веселился от души. Он не знал ни «Рыбачки Боденского озера», ни «Синяя ночь над гаванью», ни «Гитара и море», ни «В день, когда шел дождь». Единственная, показавшаяся ему немного знакомой, была «Захвати с собой плавки».

– А «Битлз»? Они вам нравились?

– Они прогремели спустя десять лет, нас они уже не зацепили, – ответила я за двоих, – в шестидесятые годы у нас родились дети, и было не до того. Мы пропустили столько интересного.

Но Аннелиза нанесла мне удар в спину:

– Я услышала «Битлз», когда они были еще мало известны, и сразу поняла, что это потрясающая группа.

К сожалению, ей все еще было невдомек, какую тоску наводят на следующее поколение рассказы родителей о трудностях и лишениях. С чего вдруг Аннелиза стала доставать моего сына воспоминаниями о том, как мы каждый день были вынуждены стирать пеленки и развешивать их по всему дому и как хорошо сегодня, когда есть памперсы, стиральные машины и сушилки?

Когда дело дошло до перечисления иных, ушедших в забвение видов домашних работ, Кристиан засобиравался в дорогу. У меня не осталось даже минуточки, чтобы пообщаться с ним наедине. Но ничего, можно поговорить по телефону. И еще я совсем забыла попросить его починить ночной светильник.

Сегодня я позвонила Кристиану, но застала только невестку:

– Я хотела узнать, как у вас дела, и нормально ли доехал мой сынок.

– А я-то полагала, что мой любимый мальчик еще гостит у мамочки, – заявила невестка.

Неловко вышло. Дома Кристиан наврал, используя свой визит ко мне как алиби. В общем, я быстренько свернула на другую тему, спросила про детей и попрощалась. Затем

сразу же набрала номер мобильного сына, чтобы предупредить. Надеюсь, он не наделает глупостей, как в свое время его отец.

Кристиана моя весть несколько не смутила. Да, поначалу он собирался провести со мной пару дней, но фирма внезапно изменила его график. Затем он добавил:

– У вас на Штерналлее довольно уютный домик, а твоя Аннелиза прирожденный мас-совик-затейник.

– Она не привыкла выпивать больше одного бокала, – объяснила я. – А тебе не показалось, что ей пора сесть на диету?

– Если честно, я на это не особенно обращал внимание. Она относится к тем жизнерадостных толстушкам, которым это даже к лицу. Ее компания тебе определенно на пользу.

Что значит – мне на пользу? На что он намекает? То ли на мою психическую подавленность, то ли на бросающуюся в глаза худобу? На этом мы расстались, и я надеюсь, что сын правильно понял мой сигнал и немедленно позвонит жене.

2

Моросил мелкий дождик, и мы с Аннелизой в виде исключения завтракали на кухне. Она принарядилась. Впервые я увидела у нее на руке, кроме обручального кольца, небольшой синий сапфир. Надо бы все-таки подсказать, что когда постоянно возишься в огороде, копаешь и пропалываешь, то за ногтями следует лучше ухаживать. Но больше всего меня восхищала брошь, красовавшаяся у подруги между грудями. Для работы в саду Аннелиза благоразумно не надевает украшения и облачается в старое тряпье. Но к сегодняшнему воскресенью приделась и разукрасилась или по крайней мере постаралась. Дело в том, что Аннелиза пообещала – исключительно из уважения к моей персоне – сопровождать меня в ежедневных прогулках по замковому парку. Впрочем, если дождь не прекратится, у нее будет хороший повод, чтобы увильнуть.

Теперь она со скрытым наслаждением играла брошью – к слову, невыгодно смотревшейся на фоне блузы в цветочек, – чтобы продемонстрировать прелесть этого украшения. К броши и к блузке приклеились кусочки мармелада. Аннелиза берегла салфетки, и у нее во время еды на выпирающей, словно балкон, груди всегда оставались пятна.

В течение многих лет я профессионально занималась скупкой у наследников антикварных предметов, оценкой старинных вещей и предложением их узкому кругу избранных клиентов. Моей специализацией являлись античные украшения, и в этой области я профессионал. Бабушка Аннелизы получила эту брошь в качестве свадебного подарка. Вероятно, она была сделана на рубеже XIX-XX веков. Камень на раковине с профилем римского воина в обрамлении голубой эмали со вставленными крошечными жемчужинками.

– Декоративная штучка, – похвалила я, – смотри, не потеряй.

– За сколько сегодня ее можно продать? – поинтересовалась подруга, и в ее глазах загорелись алчные искорки, знакомые мне по моим клиентам.

– Оправа на обратной стороне немного помята, – сказала я, – и содержание золота небольшое, что сказывается на стоимости. Если хочешь продать брошь из рук в руки, то можешь просить примерно пятьсот евро. В серьезном магазине нечто подобное будет стоить, разумеется, дороже, ведь им тоже надо что-то на ней заработать.

На ее лице отразилось легкое разочарование. Аннелиза рассчитывала на более крупную сумму, но старинные украшения больше не в моде, и у молодых женщин не пользуются спросом.

Я поспешила утешить:

– С фамильными украшениями расстаются те, кто не почитает предков, либо кто голодает.

– Надо знать цену, чтобы при разделении наследства не обидеть никого из детей, – произнесла в оправдание Аннелиза.

От этих забот я избавлена, ведь у меня только Кристиан – единственный, кто претендует на то, что мне дорого.

И я терпеливо стала объяснять ей, что подобную брошь надо носить на лацкане черной кофты или жакета, где она будет смотреться наиболее выигрышно. Свои цветочные клумбы Аннелиза оформляла безупречно, с уверенностью лунатика, но когда принималась за себя, то вкус ей отказывал начисто. Похоже, она и сама это подметила. Вот и сейчас немного застенчиво призналась:

– Еще в школьные годы я восхищалась тобой, потому что ты всегда красиво одевалась. А ведь семейный бюджет у твоей мамы был не больше, чем у моей. А после того как ты

неплохо заработала на старость, стала одеваться еще элегантнее. Даже можешь себе позволить носить все, что захочешь, – на твоей фигуре все смотрится изящнее, чем на моей.

– Ты от природы более статная, чем я, – заверила я, хотя мы обе знали, что это неправда: каждый день Аннелиза уплетала по плитке шоколада.

Вместе мы частенько вспоминали прошлые времена: на балу, которым заканчивались уроки танцев, мой наряд действительно выделялся самым изысканным вкусом, это подтверждают фотографии. Другие девочки упакованы, как в футляры, в платья с оборочками из сиреновой, бирюзовой и ярко-розовой тафты. На черно-белой фотокарточке этого не разобирать, но Аннелиза была в платье небесно-голубого цвета в зеленый горошек, в нем она немного смахивала на женщину-клоуна. Мама сшила мне длинную юбку из парашютного шелка, она мягко и свободно ниспадала на мои балетки. Я единственная, вставившая розу в свои черные волосы. Я выглядела такой чудесной и неживой, совсем как снегурочка.

Да, именно так. И платье не помогло. Молодых людей, приглашенных из ближайшей гимназии, которые были года на два старше нас, не интересовали юбки и блузки, их больше волновало, что внутри. Никого другого нельзя было так закружить в вальсе, как Аннелизу, никто другой не дерзнул выставить на обозрение такое шикарное декольте, никто не смеялся так задорно, как она, и никто из нас по дороге домой не позволял столь легкомысленно целовать себя.

Отец мне в тот день сказал:

– Было бы разумнее найти другую подругу, Лора! Таковую, которая не будет отбивать у тебя парней!

Я высмеяла папу. Мы с Аннелизой были неразлучны, и ничто не могло встать между нами, поскольку я была равнодушна к тем прыщавым подросткам, что вечно вокруг нее увивались. Однако меня здорово задело, что я стала последней, кого пригласили на танец. Видимо, я походила на одну из тех обреченных девиц, кому уготовано подпирать стену.

Аннелиза с этим решительно не соглашалась. По ее мнению, парни просто робели в моем присутствии. Я представлялась им чересчур утонченной и возвышенной, да вдобавок умнее всех остальных.

– Да ну, ты преувеличиваешь, – возразила я, хотя, не скрою, мне было приятно это слышать.

Со своим первым приятелем Аннелиза познакомилась тоже на уроке танцев. Не забуду запах его темно-зеленой в рубчик куртки, которая застегивалась на модную «молнию». В те времена вельвет все еще называли «манчестером», и ткань пахла не как сейчас: если вещь новая, она издавала резкий въедливый запах или гнилостный, если была поношена. Из кармана куртки торчала трубка, чтобы все видели, – это делалось из чистого позерства. Подошвы его ботинок из микропористой резины во время танго повизгивали, на лбу блестели капельки пота, вельветовая куртка назойливо пахла, и ее запах перемешивался с острым ароматом «Питралона» – туалетной воды после бритья.

– Вы только целовались или дошли до обжиманий? – поинтересовалась я у подруги, ведь сейчас уже не имело смысла что-либо скрывать.

– Господи, что у тебя за мысли в голове? – засмеялась она. – В наше время даже поцелуи были невиннее, чем то, что сегодня рассказывают по телевизору в послеобеденное время. Когда он осмелился положить мне руку на грудь, то сразу схлопотал от меня пощечину. Если хочешь знать правду, я не была свободной от предрассудков.

– И как ты в конце концов выпуталась? – Я не могла не задать этого вопроса. У меня, как и у многих, в подобных вопросах были два оставшихся от бабушки советчика: книги «Женщина как домашний врач» и «Половая жизнь женщины».

Видимо, в данной области Аннелиза обладала талантом.

– Многое ведь можно додумать... – признавалась она.

– А как его звали, ну, парня в вельветовой куртке?

– Эвальд, – ответила Аннелиза и почему-то хихикнула.

Некоторое время мы молчали. В открытое окно влетел шмель и разъяренно бился об оконное стекло; наверное, его привлекла пахучая ветка жасмина в вазе. Я не люблю насекомых. У Аннелизы, напротив, благодаря работе в саду не было отвращения ко всяким червякам, улиткам и прочим существам; привычным движением она набросила на шмеля кухонное полотенце и бережно отправила жужжащее создание на волю. Если ее восхищает мое умение одеваться, то меня – ее жизненная энергия. Аннелиза никогда не роптала и не ожесточалась на жизнь, не испытывала угрызений совести. Во снах у нее даже получалось летать, в чем она меня уверяла.

Ну какая женщина, повинная в смерти мужа, может быть столь свободной от угрызений? В случае Аннелизы дело дошло аж до вызова к следователю и полицейского расследования, поскольку вечно хворый Харди умер от отравления.

Аннелиза была отличной поварихой. Когда в девяностые годы кулинары вновь открыли черемшу, Харди заказал в ресторане столь расхваливаемое лакомство и немедленно пришел в восторг от заправленного супа. Вдобавок в местной газете он вычитал, будто лучшей диеты для понижения уровня холестерина нет. С тех пор он стал требовать от жены, не выносившей ни чеснока, ни лука, ежедневно готовить весенний супчик из зелени. Чтобы польстить ей и поддержать в хорошем настроении, Харди утверждал, что ни один элитный повар не приготовит такого вкусного супа.

Правда, экономная Аннелиза не сразу разглядела, что черемша, которую она покупала на рынке, в буйно и большом количестве росла неподалеку. Однажды по недоразумению она вместо черемши сорвала пару листочков осеннего безвременника и приправила свой коронный супчик колхицином. Харди хлебал варево с огромным аппетитом до самого горького конца. Следствие не смогло обнаружить злого умысла в действиях Аннелизы. Когда у мужа начался понос и рвота, опытная домохозяйка не сразу вызвала врача. Сначала она попыталась оказать помощь проверенными домашними средствами. Наибольшие подозрения вызвало то, что сама Аннелиза не притронулась к приготовленному деликатесу. К счастью, хватило свидетелей – я была в их числе, – подтвердивших, что она и раньше никогда не притрагивалась к блюдам на основе медвежьего лука. Домашний врач засвидетельствовал, что у его пациентки уже несколько лет наблюдается желчный камень, из-за чего ей приходится избегать яств, от которых происходит несварение и пучит живот.

А недавно, готовя еду, я забыла про ее связанные с желчным камнем страдания, и все же Аннелиза уплела мою стряпню за обе щеки.

Лишь спустя пару дней я осознала свою бестактность и робко поинтересовалась, как подруга себя чувствует:

– Я пожарила печенку с кружочками лука по старой привычке, прости, пожалуйста.

– Ладно, проехали! – успокоила Аннелиза. – Было вкусно. Никогда заранее не угадаешь, что мне можно, а что нет. Только белые грибы абсолютное табу, от них у меня зверские мучения.

Я чуть не спросила про черемшу, хотя данной темы лучше не касаться. Вместо этого я задала ей вопрос:

– Почему бы тебе не лечь на операцию? Желчные камни научились дробить!

– Кто их знает, что еще они раздробят вместе с камнями, – возразила она. – Лучше уж я заберу свой благородный камень с собой в могилу. Поскольку сильные колики повторяются у меня раз в пять лет, то можно и перетерпеть.

– А что говорит врач?

– Убежден, что не стоит тянуть с операцией, пока не стукнет сто лет. Но я так и так до этого возраста не дотяну.

Н-да, ох уж эти старческие болячки! Про них можно сложить целую историю: прогрессирующая потеря памяти, глаукома, молоткообразный палец, гиперестезия мочевого пузыря, бессонница. Когда я вижу чужое страдание, мой голос автоматически приобретает сентиментальные нотки. Это притом, что из-за избыточного веса Аннелиза была подвержена большому риску, чем я: повышенное давление, плохие данные лабораторных исследований, жалобы на боли в позвоночнике. Она относилась к тому типу пациентов, которые норовят скрывать и преуменьшать свои проблемы, и докторам трудно получить объективную картину. Сами же они крайне редко заглядывают в медицинские учреждения. Даже передо мной Аннелиза всегда преуменьшала свои недомогания, но и мне от нее напрасно было ждать сочувствия. Пожалуй, в подобной установке есть свой резон.

К счастью, никто не знает часа своей смерти. По крайней мере, я ни при каких обстоятельствах не хотела бы знать его заранее. Но и жизнь после смерти я не представляю. Конец так конец, что было, того не вернешь.

Аннелиза хотя и не посещала церковь, но была падкой до всяких духовных искушений. «Исключительно в шутку», – приговаривала она, читая гороскопы. – «Тьфу, тьфу, тьфу», – частенько повторяла, стуча по дереву. Однажды Аннелиза при мне даже перекрестилась, и кто знает, может, она втайне молилась. А так как подруга, несмотря на свой внушительный вес, летала во сне, то была убеждена, что эта способность останется у нее и в другой жизни. Иногда она чувствовала, как вокруг нее словно мотыльки порхают умершие родители и другие предки, оставляя легкие дуновения и передавая ощущения любви и защищенности.

– Скажи еще, что у тебя есть свой ангел-хранитель, – усмехнулась я, иронизируя над ее предрассудками.

Аннелиза кивнула и улыбнулась. Иногда она становится похожей на маленькую девочку.

Когда мы с ней познакомились, ей было десять лет. Светловолосые косички являли собой противоположность моей прическе под пажа. На ней была берхтенсгаденская вязаная кофта с красно-зеленой кокеткой, с пуговицами в народном стиле и вязаным стягивающим талию пояском.

Мне очень захотелось такую же кофточку, но мама в ответ выдавила сквозь зубы: «Тебе бы подошла!»

Только сейчас я понимаю, что за столь очевидным неприятием этого предмета одежды пряталась ее тлеющая ненависть к гитлеровскому режиму.

3

Нашему сыну Кристиану было около двух лет, когда он привел домой собаку. Терьер принадлежал дедушкиному другу, которого отправили в дом престарелых. Никто не захотел приютить животное, и мы оставили его у себя. Во всех семьях одна и та же история: вначале дети клянутся, что будут заботиться о животном и пару дней действительно носятся с новым членом семьи. Но рано или поздно забота о животном целиком ложится на плечи хозяйки дома.

Однажды, выгуливая вечером собаку, я познакомилась с семейной парой, жившей по соседству. Они тоже вышли погулять со своей жесткошерстной таксой. Слово за слово, и я узнала много об этих людях, значительно превосходивших меня по возрасту.

Уже во время наших первых разговоров фрау Ребхун, – которая была на голову выше мужа, – стала возмущаться по поводу одной газетной статьи на злобу дня. Триста семьдесят четыре видные женщины публично признались в том, что нелегально сделали аборт. Помню, мы с ней тогда здорово подискутировали; но когда я узнала, что эта пара долгие годы тщетно мечтала завести ребенка, то я умолкла.

Ребхуны держали антикварный магазин в старой части Висбадена, специализировавшийся на украшениях. Они были неразлучны и лепились друг к другу, как репейник, вместе каждый день отправлялись на работу и всегда брали с собой собаку. Такса не производила впечатления цербера, однако могла порой угрожающе зарычать и оскалить зубы.

Прохаживаясь по магазинам, я обнаружила крохотную лавку с латунной табличкой «Вальтер П. Ребхун, антикварные предметы». Я вошла внутрь, и хозяева показали мне множество любопытных вещей. В большинстве своем это были украшения, выставленные в витринах, но в их ассортименте имелись еще коробочки, табакерки, наперстки, картинные рамы, столовые приборы, чашки и кубки и тому подобная мелочовка из серебра. Я была в восторге, пожалуй, даже в восхищении и приобрела у них за деньги, отложенные на сумочку, изящный классический дорожный несессер. В футляре из черепахового панциря были аккуратно уложены позолоченные ножнички, шильце и тонко гравированный футляр для иголок. Несессер у меня хранится до сих пор, хотя в сущности его покупка была спонтанной, как и все прочие ненужные приобретения. Мой муж тоже был удивлен.

Удо заинтересовался тем, что я рассказала ему про семейную пару. Он уважал состоятельных соседей. Уговорил меня согласиться на предложение господина и госпожи Ребхун иногда представлять их в магазине.

Зарплата у меня была отнюдь не княжеская, но часы, проведенные в магазине, доставляли удовольствие. Ребхуны решили, что каждый из них попеременно будет располагать одним свободным днем в неделю, чтобы сходить с таксой к ветеринару или сделать какие-либо другие дела. В магазин редко вваливались туристы, и я старалась, чтобы на ценные предметы были устремлены не менее двух пар глаз одновременно.

У Ребхунов было чему поучиться. Иногда часами в магазин никто не заглядывал, и у нас появлялось время на разговоры. Вальтер Ребхун был всесторонне образованным человеком. В сейфе он хранил свои любимые вещи, с которыми расставался очень неохотно. Жена любила его немного поддразнить, когда он в очередной раз утаивал от покупателя свои сокровища. Вальтер мог рассказать нечто интересное практически обо всех предметах. Да что там, он и меня подвигнул на изучение истории культуры и искусства. Через пару лет я

научилась прекрасно разбираться во всех тонкостях прикладного искусства и стала доверенным лицом семейного предприятия. А когда фрау Ребхун заболела раком, я все чаще заменяла ее на работе.

Некоторые люди, например Аннелиза, не верят в случайность. Я тоже не из тех, кто во всем видит предначертание, но в том, что фрау Ребхун умерла в день моего развода, трудно не углядеть перст судьбы. С горечью мне пришлось смириться с тем, что в одночасье я превратилась в одинокую незамужнюю женщину, а вскоре мне пришлось съехать из нашего дома. Сын тогда уже жил в Берлине. У меня в Висбадене не осталось ни одного родного человека. В тот тяжелый период именно Аннелиза оказалась рядом, она-то меня поддержала, да еще господин Ребхун, предложивший постоянное место. Это лучшее, что могло со мной произойти, иначе я бы бесконечно долго предавалась жалости к самой себе. В конце концов, мой шеф страдал не менее моего.

Мы были знакомы и доверяли друг другу уже лет десять, однако сохраняли уважительную дистанцию. Господин Ребхун был слишком воспитан, чтобы отдавать распоряжения в какой-либо другой форме, нежели в виде вежливой просьбы, и слишком консервативен, чтобы предложить мне перейти на «ты».

Однажды утром я вошла в магазин и застала шефа в слезах. Со дня смерти жены он ни разу не давал волю чувствам, и вот теперь самообладание покинуло его. Как выяснилось, его постаревшая собака только что попала под машину прямо перед магазином.

Чтобы выразить сочувствие, я положила свою руку на его и стала говорить какие-то успокаивающие слова. Неожиданно он в резком порыве привлек меня к себе, и в моих объятьях зарыдал как дитя. Чтобы защитить его от любопытных прохожих, я закрыла входную дверь в магазин. Как могла, я продолжала утешать Вальтера и при этом нежно поглаживала по спине. Закончилось тем, что я заплакала вместе с ним, в какой-то момент наши мокрые лица оказались рядом, и мы поцеловались. Трудно представить, что любовные отношения могут завязаться столь драматически, в слезах! Лишь много позже я осознала, что симбиотический треугольник мужчина – женщина – собака разорвался лишь с гибелью собаки, и только расставшаяся с жизнью такса открыла хозяйину путь для новой жизни.

Мы были неравной парой, это, пожалуй, бросалось в глаза, но мы не могли стать предметом для потехи, если кроме Аннелизы о нашем заговоре никто больше не знал. Правда, Кристиан во время коротких визитов успел что-то заподозрить. «Тебе с Ребхунчиком, похоже, нравится?» – спросил он.

Все-таки даже повзрослевшим детям не обязательно все знать о родителях. Прежде всего мне бы не хотелось, чтобы Удо каким-нибудь окольным путем пронюхал о моей новой жизни.

Свое полное имя Ребхун писал «Вальтер П.». К моему удивлению, буква П означала не Петер или Пауль, а Перси. Поскольку его жена называла его попросту Вальтер, он не хотел, чтобы я обращалась к нему так же; конечно, мне было непросто после стольких лет перейти на неформальный тон, и мы оба постоянно путались. Дедушка Перси происходил из Шотландии, а его внук, наверное, поэтому поддерживал контакты с англичанами. При их посредничестве ему удавалось приобретать антикварные вещички за выгодную цену.

Перси слегка прихрамывал, ко времени нашего знакомства он поседел, роста был небольшого, полноват, цвет лица сохранился розовым. Как и его упокоившаяся жена, я была чуть выше его ростом, но при этом он в часы тихих уединений называл меня ласточкой, – думаю, виной тому были мои серые платя. Любопытно было наблюдать, как благодаря моему участию мужчина буквально расцвел на глазах и открылся с донныне незнакомой –

жизнерадостной – стороны. Раньше мне не нравились мужчины, украшавшие себя драгоценностями. Но ему шли кольца, галстучные закладки, запонки и золотые цепочки для часов, потому что он их носил с достоинством гранда, как нечто само собой разумеющееся. Иногда молча надевал мне на палец кольцо, хотя я никогда не была уверена, хочет ли он мне подарить его или просто посмотреть, как оно смотрится на женской руке. После работы мы обычно отправлялись куда-нибудь поесть.

В обеденный перерыв мы заходили ко мне, поскольку моя новая квартира находилась неподалеку от магазина. Сначала мы наскоро чем-нибудь перекусывали, затем следовал послеобеденный отдых – я ложилась вздремнуть на постель, а Перси устраивался на диване. Было бы неверно утверждать, что наши отношения основывались на пылкой страсти, но ее недостаток с лихвой покрывался временем тихого благодарного счастья, искренней дружбой и частыми обедами в умиротворяющей атмосфере.

Лишь один-единственный раз мы провели вместе ночь у Перси, но из прагматических соображений повторять ее не стали. С одной стороны, мне не хотелось, чтобы меня видели неподалеку от нашего бывшего дома, где теперь жили чужие люди. С другой – в постели скончавшейся фрау Ребхун я до утра не сомкнула глаз.

На ночном столике Перси все еще стояла свадебная фотография с посвящением: «Моему любимому Вальтеру от его Марты». На фотографии наш общий любимый был в форме, которая ему совершенно не шла. Не только эта фотография, но и каждый предмет мебели в его квартире напоминал о долголетнем супружестве. В моей двухкомнатной квартире стояла лишь одна узкая кровать, потому что после развода я намеревалась жить как монашка. Конечно, я могла бы снять квартиру и побольше, но все ждала, что на такой шаг меня подтолкнет кто-то другой. Перси же как будто был полностью удовлетворен нашими редкими любовными идиллиями.

Некоторые клиенты принимали Перси за искусствоведа. Он самостоятельно накопил большие познания в данной области. В молодости выучился на ювелира, но проработал золотых дел мастером совсем недолго. После войны, откуда Перси вернулся с ранением в ногу, он мужественно открыл небольшой магазин.

Поначалу принимал в уплату любые предметы, в том числе и всякое старье, которым потом тоже торговал. Американские солдаты охотно раскупали на сувениры разные мелочи, например ордена, и радовались, что Перси мог дать им справку на английском. Позже, когда он стал специализироваться на украшениях, профессиональные знания ювелира ему пригодились. Некоторое время Перси занимался тем, что собственноручно переделывал и ремонтировал ювелирные изделия для клиентов.

По глупости и из гордости после развода я отказалась от алиментов. И хотя в материальном отношении я прочно стояла на ногах, но каких-либо больших затрат позволить себе в то время не могла. Мне казалось справедливым, что Перси расплачивался за наши обеды. Белье он отдавал в прачечную, однако я кое-что для него делала помимо работы в магазине. Впрочем, его нельзя было однозначно назвать ни скупым, ни щедрым, просто в финансовых вопросах Перси поступал осторожно.

Когда он умер в возрасте шестидесяти пяти лет, я почувствовала в этом свою вину, – совсем не так, как было у Аннелизы с отравлением ее мужа. И еще я часто задумывалась, продолжал ли он верить до самого смертного часа в то, что его маленькая ласточка принесла ему счастье? Несмотря на то что фрау Ребхун при случае не забывала упомянуть о болезни сердца, сама я почти никогда не интересовалась, как у нее со здоровьем. В свое оправдание могу сказать, что я не то что не привыкла жаловаться на недомогания, но даже ЭКГ не делала до последнего времени.

Видимо, в тот душный день я его перенапрягла. После долгого воздержания меня так сильно потянуло на секс, что пришлось в обеденный перерыв взять инициативу в свои руки. К сожалению, мои усилия не увенчались успехом, розовая краска сошла с лица Перси, он побледнел и покрылся холодным потом. Мой возлюбленный извинился как джентльмен и выразил сожаление, что сегодня недостаточно бодр. Потом попросил меня вернуться в магазин без него. Перси покинул мою квартиру, сел в автомобиль и отправился домой. Думаю, напрасно; он сказал, что от стыда еще долго не сможет смотреть мне в глаза.

Умер ли Перси во второй половине дня или ночью, это сейчас не установить. Утром не появился в магазине, я заволновалась, отправилась к нему домой и нашла его там мертвым.

Как я пережила это горе? Благодаря все тем же близким людям: Аннелизе, нашедшей нужные слова утешения, и Перси, который позаботился о завещании. Он объявил меня единственной наследницей.

В пятьдесят три года неожиданно я стала состоятельной женщиной, и мне больше не надо было беспокоиться о будущем. Слава богу, теперь можно было выбирать, то ли лентяйничать и тратить состояние, дожидаться внуков, путешествовать по миру, то ли продолжить работать. Хотя для меня вопрос был предрешен: я выбрала профессию и решила управлять магазином в духе Перси.

В восьмидесятые и девяностые годы антикварный бизнес развивался неплохо, а в престижном Висбадене не было недостатка в покупателях с тугими кошельками. К тому же здесь всегда находилось немало курортников, которые готовы были вознаградить украшениями себя или кого-либо другого за непосильные труды, вложенные в их лечение. Я сняла старую табличку. Отныне мой магазин назывался «Золотое дно». В отличие от Перси я торговала, кроме прочего, модными украшениями из довоенной эпохи, которые были доступны в том числе женщинам с ограниченным бюджетом. Мой банковский счет рос медленно, но постоянно, и я стала позволять себе шелковые платья. Больше всего мне нравились светло-серые тона, на их фоне выгодно смотрелись мои украшения.

Разумеется, моя деятельность в качестве независимой женщины-коммерсанта была связана с напряженным трудом и стрессом. Приобретение и продажа – далеко не единственное, чем приходилось заниматься, поскольку Перси при жизни делал много такого, о чем я не имела понятия. Так, он всегда добросовестно планировал срок внесения предоплаты в финансовое управление, регулярно встречался с консультантом по налоговым делам, проверял бухгалтерию, рассчитывал цены и, конечно, постоянно брал на себя ответственность за решения.

Чтобы сбросить с себя часть функций, через несколько месяцев я приняла на работу долговязого молодого человека, напоминавшего своими темными бровями, мясистыми губами и слегка приоткрытым ртом ранний автопортрет Караваджо. Милого Руди только что оставил партнер по жизни и бизнесу, однако он и близко не подошел к тому состоянию горя, в каком в свое время я пребывала в схожей ситуации.

Причиной его основных страданий являлась довольно специфическая проблема: правая нога у него была на три сантиметра длиннее левой. Из-за этого левые ботинки были ему велики. Я не раз ловила Руди на том, как он за кассой стоял в одном носке и запихивал в ботинок свежую папиросную бумагу. И поскольку меня уже начали доставать его вечные причитания, я купила ему на день рождения по паре одинаковых ботинок размеров 41 и 44, наверняка зная, что он отберет, какие нужно, и два ботинка останутся лишними.

Руди чрезвычайно обрадовался подарку. По пути домой он на моих глазах выбросил в мусорный контейнер лишнюю пару. На беду он ошибся и выбросил именно те, которые

отобрал для себя, а когда заметил, контейнер с мусором уже увезли. Руди и сегодня с удовольствием рассказывает, как совершил величайшую в жизни ошибку.

Уже в первые дни работы в магазине Руди убедил меня приобрести дорогую и капризную машину для заваривания эспresso, которая слушалась только его. Тем не менее машина производила впечатление на покупателей, когда Руди угощал их черным напитком в мейсенских фарфоровых чашечках. Через пару недель мой маленький магазин стал напоминать бар, потому что очередная парочка друзей Руди не могла пройти мимо, чтобы не поболтать. Поначалу я наблюдала за этим с недоверием, поскольку молодые господа заруливали к нам не ради покупок, однако со временем так к ним привыкла, что мне стало их не хватать. Со школьных лет я так не смеялась, да и постоянные клиенты потянулись к молодым, плененные их раскованными разговорами. Приятели Руди были хорошо воспитанны и достаточно тактичны. Едва почувствовав, что мешают сделке по продаже ценного предмета, они быстро исчезали.

Меня немного забавляло, что Кристиан стал ревновать меня к сотруднику, будто тот был его младшим братом, а Руди, напротив, относился к моему сыну с нескрываемым недоверием.

В остальном Руди был честолюбивым, надежным, интеллигентным, и он действительно облегчил мне жизнь. Через несколько лет я передала ему мое «Золотое дно» с уверенностью, что и Перси был бы доволен подобным преемником.

4

Раз в месяц я звонила Руди, чтобы поинтересоваться его самочувствием и тем, как идут дела в магазине. На сей раз он меня опередил.

– Ты не поверишь, Лора, – волнуясь, признался он. – Я влюбился!

Я ему сразу поверила. Как всегда верила с первого слова. За годы нашей совместной работы Руди часто влюблялся и разочаровывался, всякий раз с энтузиазмом в начале и горечью под конец. Между тем ему уже было под сорок, а он вел себя как подросток. Я пыталась вразумить его, что если в молодости мы способны воспламеняться чувствами к новому человеку раз в два месяца, то с годами уже не так часто, примерно раз в семь лет, а в зрелом возрасте и еще реже. Некоторые, возможно, вообще никогда.

Я часто думала, где и как в свои семьдесят я в принципе могла бы встретить подходящего партнера? Вероятно, немцы-пенсионеры правильно поступают, что коротают старость на Мальорке или Тенерифе. Там можно есть на свежем воздухе и там легче заводить ни к чему не обязывающие знакомства, чтобы отправлять естественную потребность. Другой вопрос, хочется ли мне такой жизни в принципе?

Я лишняя раз убеждаюсь, что совершенно не похожа на Аннелизу, когда она мне зачитывает брачные объявления из центральных газет. И громко ругается из-за того, что почти все мужчины предпочитают стройных и худощавых. Не съездить ли нам с Аннелизой на Мальорку? Вот только она вряд ли согласится сесть в самолет.

– Ты меня вообще-то слушаешь? – воскликнул Руди.

– Как ты говоришь? Снова влюбился? Ну здорово! – похвалила я бывшего сотрудника. – Я его знаю?

– Вряд ли, он живет в Гамбурге. У нас чисто уик-эндские отношения, хотя часто все проходит просто отлично.

– А как магазин?

– К сожалению, плохо.

Я насторожилась. В чем проблемы? Оказалось, Руди выкупил все драгоценности из наследства одного аристократического дома. Стоимость была высокой, и он взял в банке кредит. Несмотря на то что на Руди теперь лежал тяжелый долг, он мгновенно увлекся и стал описывать, какие красивые цепочки, кольца, броши и браслеты ему удалось перехватить. К сожалению, на эти дорогие вещи пока не объявился покупатель.

– Тебе надо бы приехать, – продолжил Руди, – хотя бы для того, чтобы взглянуть на диадему прусской княгини! Тяжелая, роскошно выполненная, в средней части, покрытой изумрудной эмалью, нанесена монограмма королевы Луизы. Стилистически безупречно выдержаны только серьги, чистый ар-деко. К ним подходит восхитительное кольцо! А из Будапешта...

– Руди, нам нужно серьезно поговорить. Приезжай сюда и захвати свои сокровища. Надеюсь, ты их застраховал!

Ближайший четверг в Висбадене и у нас в Шветцингене выходной. Заманиваю Руди спаржей и только что созревшей земляникой. Он дает обещание, тем более что его гамбургский друг праздника Тела Господня не признает, для него это обычный рабочий день, и поездка на север состоится не ранее субботы.

Для Аннелизы любые гости в радость, даже те, кто приезжает не к ней. Я размышляла, как бы ей осторожно объяснить, что мои гости не становятся с неизбежностью и ее гостями. Моей подруге вовсе не обязательно вникать в вопросы финансового баланса Руди.

– Будет лучше, если мы приготовим спаржу, – предложила Аннелиза, словно это была не моя идея. – Еще в восемнадцатом веке знали, что в зыбкой песчаной почве она вызревает лучше, чем где бы то ни было.

– А для начала твой знаменитый суп с черемшой.

На секунду у нее отвисла челюсть. Она искала в моих глазах насмешку, язвительность или того пуще – злобные замыслы. Но я состроила невинное выражение, будто у меня и в мыслях ничего не было, и Аннелиза снова заулыбалась.

Сад для Аннелизы являлся чем-то вроде рая. Сегодня она объясняла мне, что на какой клумбе растет. Петрушку, лук-скороду и укроп я, естественно, могу различить, а вот майоран, тимьян и душицу надо бы запомнить. А такие растения, как иссоп, рута душистая или тем более окопник, разве кто-нибудь может знать? Для франкфуртского зеленого соуса у Аннелизы всегда семь трав по рукой – кроме самых ходовых она добавляла еще кислый щавель, огуречник, бедренец, купырь и садовый салат.

– Ты прямо как ведьма-знахарка! – восхитилась я. – Я со своими плохими глазами наверняка схватила бы крапиву. Все твои травы, по-моему, выглядят одинаково.

– Последствия были бы губительными, – улыбнулась она. – Пора бы уже хоть немного разбираться, ведь в сущности в любом саду полно ядовитых растений. Практически у всех можно встретить морозник, наперстянку, волчник, мак, живокость, борец и золотой дождь. Даже на балконах не редкость олеандры, лекарственная лавровишня и герань. Но кому придет в голову мысль приготовить из них салат или сварить мармелад из плодов плюща и тиса?

Мне точно не придет, подумала я, а вот Аннелизе может. Ведь она заправляет суп листьями безвременника осеннего для вкуса.

– А есть у тебя в огороде черемша? – спросила я. – Я, к сожалению, плохо представляю, как она выглядит.

– Нет, черемша растет на пойменных лугах или по берегам лесных речушек, правда, ее можно встретить и в диких местах нашего замкового парка, – объяснила Аннелиза. – Пока не зацвела, она похожа на это растение. – Она сорвала листик ландыша и сунула мне под нос.

От нахлынувших мыслей у меня на лбу образовались складки, потому что я не представляла, чтобы такой знаток, как Аннелиза, могла ошибиться, когда собирала травы. Она угадала мои сомнения:

– Впрочем, даже ландыши по-своему ядовиты, хотя их не сравнить с безвременником осенним.

Подруга не сомневалась, что я не принимаю за чистую монету официальную версию, согласно которой она будто бы неумышленно перепутала растения.

Я молча кивнула. О некоторых вещах лучше помалкивать, впрочем мы понимаем друг друга без слов. Аннелиза в любом случае знает, что я прощу ей любой грех.

На цветочных грядках расцвела желтая роза gloria деус.

– Когда тебе в последний раз дарили розы? – спросила Аннелиза, вцепилась в мое плечо, вытащила ногу из резинового сапога и вытряхнула камушек.

Когда? Удо подарил мне букет на помолвку, Перси иногда приносил мне цветы, обычно белые, поскольку считал их самыми благородными.

– Целую вечность никто не дарил, – призналась я. – А тебе?

– Ну, это было не так уж давно, – усмехнулась она.

Все-таки Аннелиза была себе на уме. Не исключая, что зимой она могла сама себе купить букет. У Аннелизы было прекрасное настроение, и она начала напевать:

– Когда в Тироле дарят розы, то дарят чуточку себя....

Разумеется, мне знакома эта песня. Когда мы выходили из детского возраста, то вместе бегали на фильм «В Тироле дарят розы» и восторгались певцом Йоханнесом Хестерсом.

– А кто еще играл в том фильме? – поинтересовалась я. Память у Аннелизы была намного лучше моей. Из моей памяти, к сожалению, выпали имена известных актеров, и я не могу вспомнить их, даже когда вижу перед собой их лица.

– Марте Харелль, Ханс Мозер и Тео Линген! – выпалила она. – Боже, как бы я хотела опять посмотреть это старое кино! Интересно, современные зрители помрут со смеху или как мы тогда – останутся под сильным впечатлением?

Мне пришла в голову мысль попытаться раздобыть видеокассету. Кристиан должен знать, как это можно сделать.

Аннелиза снова принялась напевать песенку из кинофильма. У нее пока крепкий голос. В молодости она хотела стать опереточной певицей.

Мои мечты о профессии тоже не осуществились, потому что в прямом смысле слова были несколько оторваны от земли. В пятнадцать лет я хотела стать пилотом по примеру моего идеала Элли Бейнхорн, которая еще в 1928 году впервые села за штурвал самолета. Получив аттестат зрелости, я узнала, что с близорукостью об этой профессии можно забыть, а после войны девушек все равно охотнее обучали на стюардесс.

– Ты хоть вспоминаешь иногда, что хотела стать звездой сцены? – спросила я. – И что став знаменитой певицей, ты надеялась обрести настоящее счастье?

Подруга недолго размышляла:

– Я давно перестала думать на эту тему. Кто знает, может, со временем я превратилась бы в депрессивную алкоголичку, ведь ты знаешь, что для большой карьеры мой голос слаб. Нормально, что грандиозные планы рано или поздно уступают место прозе желудка, где и перевариваются благополучно, чтобы больше нас не тревожить.

И все-таки сразу после этого она перешла на другую тему:

– Взгляни-ка на это облако!

Я поняла, что ее так поразило. По небу плыла ведьма. Вокруг отважно загнутого подбородка обвивались длинные локоны, рот сомкнут в ярости.

– Чем-то похожа на нас, – пошутила я.

Когда-то мы обе были писаными красавицами. Впрочем, в то время я этого не осознавала и не любила смотреться в зеркало, но фотографии тех лет не дадут соврать. Удо первым стал говорить мне комплименты, и я попала на удочку. Вокруг Аннелизы, наоборот, постоянно крутились парни, завоевывая ее расположение. К пятнадцати годам у нее уже была пышная грудь при узкой талии и, естественно, бедра – нежные, а не напоминающие покрывшки. Сегодня они раздались и придают ее фигуре грузный вид.

Вчера мы заглянули в бутик, Аннелиза хотела купить дочери на день рождения кофточку. Мы стали с ней обсуждать, что лучше взять, и продавцы перестали обращать на нас внимание. Моя подруга отнеслась к этому спокойно и покорно дожидалась, пока кто-нибудь из них к нам подойдет. Я же стала с ними ругаться. Чтобы успокоиться, я пригласила Аннелизу в бистро, заказала у стойки два эспрессо и две порции салата, показав на хрустальную чашу, чтобы не было ошибки, какой именно салат я хочу.

– Но это омар! – возразила официантка едва ли не с ужасом, будто две пожилые женщины не могут позволить себе отведать деликатеса в одиннадцать часов утра.

Если бы дело было только в высокомерии продавщиц, в упор не замечающих женщин нашего возраста! Бывая по делам в городе, я давно перестала замечать на себе мужские взгляды. Если все-таки в молодых людях вопреки ожиданию просыпается интерес, то, чаще всего, он обращен на мой кошелек. Когда они замечают Аннелизу, то, скорее всего, потому, что она у них вызывает воспоминания о вкусной бабушкиной кухне. Когда вам за семьде-

сят, вас перестают воспринимать как женщину. Исключение еще могут сделать для бывшей киноактрисы или другой видной личности.

Аннелиза смотрит на проблему иначе. Она утверждает, что вокруг полно старичков, которые присвистывают ей в след. Я ни разу не была этому свидетелем. Свистящие вслед пенсионеры – не мой выбор. Я по горло сыта стареющими мужиками, которые для оживления своей потенции всегда предпочтут двадцатилетнюю молодку. Тут я злорадно подумала об Удо и не смогла сдержать ухмылку.

– Почему ты усмехаешься? – спросила Аннелиза.

– Есть все же на свете справедливость, она в определенном смысле компенсирует наши поражения, – поделилась я, не вдаваясь в подробности своих размышлений. – У Удо в новой семье давно нелады. Его вторая жена какое-то время с ним любезничала, но не подумала хорошенько, как быстро заканчивается такое счастье. Как твой Харди терроризировал тебя в последние годы, так и Удо мучает мою последовательницу и требует, чтобы она находилась рядом с утра до вечера. Они давно не путешествуют, никого не приглашают в гости, не ходят в театр или кино. День за днем она только и делает, что ухаживает за болезненным муженьком и готовит диетическую еду.

– Я вот-вот разрыдаюсь! Скажи проще: тебе ее жаль?

Мы засмеялись. Разумеется, я чрезвычайно довольна, что теперь свободна как птица.

– Только честно, – попросила Аннелиза. – Разве мы намного лучше мужиков? Если бы тебе позволили выбирать, разве ты не предпочла бы симпатичного молодого человека какому-то старику? Если бы у меня был шанс...

– Ой, да ладно, ты ведь не стала бы на полном серьезе крутить шашни с парнем, который годится тебе в сыновья?

– Наши дети давно не подростки, после двадцати они повзрослели. А твой Кристиан такой сладкий, я бы его прямо на месте скушала!

Господи, что она говорит! Шутит? Ее слова меня неприятно удивили.

Неодобрительная мина на моем лице развеселила Аннелизу, она захихикала и решила подразнить еще больше:

– Когда в четверг к тебе придет сотрудник, не оставляй нас наедине ни на минуту.

В случае с Руди я могла быть абсолютно спокойна.

В сущности, я согласна с Аннелизой. Кто поспорит, что с молодыми людьми интереснее и веселее, поскольку с возрастом умение смеяться постепенно уходит. Малолетний ребенок может упасть наземь и хохотать от удовольствия, девочек-подростков тоже, бывает, не унять, если они примутся гоготать, даже в среднем возрасте мы любим посмеяться хорошей шутке или подурачиться в кругу друзей. Но проходят годы, в нас что-то незаметно меняется, и способность смеяться исчезает. Вспомните в безучастные лица людей пожилого возраста, и желание испытать чувство юмора отпадет у вас само по себе. А не может ли притягательная сила юношеской веселости как-то быть связанной с сексом? Скорее всего. После того как наш Кристиан стал жить отдельно, мы с Удо ни разу больше не переспали. Солнце перестало заглядывать к нам в дом, и наступило бесконечно долгое ненастье. Наверное, я должна буду со временем простить Удо за то, что он, пусть и в ущерб мне, решил еще пару лет продлить радость жизни с молодой женщиной. Ведь когда он после всего пересядет в кресло-коляску, ему станет не до веселья.

Как только я пришла к выводу, что лучше мудро и великодушно простить разведенного мужа, на меня вдруг накатила грусть. Прощание – своего рода пароль в жизни женщины. Сначала нам приходится прощаться с чувством защищенности родительского дома, потом с независимостью, какой пользуемся в молодости, наконец, расстаемся с детьми, с партне-

рами, с сексом, с профессией, со здоровьем, от нас уходят жизненная энергия и женская привлекательность. От себя я бы еще добавила лично свое сильное чувство – ярость. Оно с годами тоже растворяется.

Жизнь несправедлива. У меня стройная фигура и ухоженный вид, но это не добавляет мне ни внутренней уверенности, ни сильного желания мужчины. Аннелиза – круглая как шар и одевается как попало. Но что удивительно: ей вообще неведомо, как можно быть несчастной. Сын мгновенно раскусил ее: дай ей кислющий лимон, она и его съест с удовольствием.

5

Мой гость появился раньше назначенного времени. Я не успевала накраситься, и Аннелиза пошла открывать ему дверь. Будучи страстной огородницей, сегодня она несколько часов ковырялась в земле, на ней был сиреневый клеенчатый передник, повязанный поверх бермуд в крупный цветок, и румынская национальная кофточка. В отличие от нее Руди всегда одевался самым тщательным образом.

Аннелиза проревела на всю лестничную клетку: «Л-о-о-о-ра!», и я торопливо нацепила нитку жемчуга. Если кто-то и разбирается в красивых украшениях, то это Руди. Мы оба были рады встрече и сердечно обнялись.

– Взгляни! Ручная работа! – Он с гордостью показал на свои ботинки.

Аннелиза тоже не могла отвести глаз от его ботинок, которые были явно разных размеров. Налюбовавшись должным образом на новое приобретение, я перешла на строгий тон и спросила, может ли он такое позволить себе? Собственно говоря, нет. Но Руди экономил на других вещах, которые не считал для себя первостепенно важными. Ездил на древней машине, жил со сломанным телевизором, холодильник ему достался от умершей бабушки.

До ужина Руди успел мне показать старинные украшения, которые привез в ювелирном чемоданчике.

– А мне можно? – спросила Аннелиза, подсаживаясь поближе.

Запачканные в земле руки подруга протирает бумажной салфеткой. Руди извлек из чемоданчика мелкие изящные предметы роскоши, которые приобрел из того же наследства. Там были мундштуки из слоновой кости, серебряные очечники, флаконы для духов из венецианского стекла, складной лорнет, коробочки для пилюль, золотые медали, эмалированная пряжка для ремня, карманные часы. Нашлись даже отделанные бриллиантами солнечные очки. Они произвели на Аннелизу столь мощное впечатление, что она долго не могла успокоиться. Затем Руди торжественно достал из чемоданчика настоящие драгоценности и для большего эффекта разложил на черном бархате. Кольца, броши, серьги, кольцо и диадему – самое ценное сокровище.

– Ну, что ты теперь скажешь? – с надеждой спросил он.

У меня уже была лупа наготове, и я стала добросовестно рассматривать предмет за предметом, принадлежавшие разным эпохам. Модные в прошлом столетии кольца с удлиненными камнями и змейками, тяжелые серьги и браслеты, несомненно, можно было продать за хорошую цену. Но реализовать все эти украшения с алмазами и другими драгоценными камнями представлялось сложным. Все это были музейные ценности, и их могли приобрести лишь очень богатые коллекционеры. Мой бывший магазинчик «Золотое дно» ко всему прочему никогда не являлся ювелирным, куда мог случайно забрести какой-нибудь миллионер. Считалось, что нам улыбалось счастье, если в магазин заглядывали зубные врачи и владельцы небольших фабрик и решались потратить чуть больше к пятидесятилетию своих женушек.

Я изложила Руди свои соображения, но он и после этого не смутился. Немного застенчиво признается, что сильно привязался к своим сокровищам и охотнее всего оставил бы их себе. Я рассказываю, что Перси оберегал дорогие для него вещи как зеницу ока. Вспоминаю об одном случае, о котором прочитала в книге, – как некий одержимый ювелир убил покупателя, чтобы любимое украшение не ушло в чужие руки. Однако Руди в этом примере находит лишь еще одно подтверждение тому, что правильно оценил художественную цену своей коллекции.

Наивным дитя природы Аннелизу, разумеется, не назовешь, и все же у нее напрочь отсутствовала сдержанность, которой природа иногда награждает благородные натуры. Все это время она издавала радостные возгласы «А-а-а!» или «О-о-о!», словно наблюдала красочный фейерверк. Вдруг подруга запустила руку в открытый футляр из красной телячьей кожи и выпалила:

– Хочу себе такие за любые деньги!

Руди аж передернулся.

Речь шла о так называемой парюре, состоявшей из колье, браслета, кольца, броши и серег. Чисто ручная работа, инкрустация крупными кабошонами из изумрудов и мелких рубинов, сделано, видимо, около 1830 года. Схватив именно эти предметы, Аннелиза продемонстрировала хороший вкус, а заодно и полное непонимание того, сколько они могут стоить, и может ли она позволить себе подобную роскошь.

Поразмыслив, Руди назвал весьма корректную дружескую цену, от которой Аннелиза пришла в ужас.

– Господи помилуй! – воскликнула она, побледнела и почтительно вернула украшения в футляр.

Я невольно улыбнулась, но тут же вспомнила, как в самом начале профессиональной деятельности тоже с трудом справлялась с непреодолимым желанием оставить красивые вещи себе.

– Цепочка с огромным изумрудом не налезет на наши шеи, – сказала я подруге в утешение, – а букет цветов из твоего сада прекраснее, чем все эти побрякушки.

Аннелиза была другого мнения, потому что ни один цветок не сверкал так, как благородные камни.

– Я давно не слежу за событиями, – оправдалась я, – когда у нас следующие ярмарки?

По опыту я знала, что на крупной ярмарке антиквариата, как правило, удастся сбыть одну-другую дорожную вещицу.

– В Дортмунде в сентябре, в Мюнхене в октябре, – ответил Руди, – а наша, в Райн-Майн-пассаже, только в феврале следующего года. К тому времени я умру от голода!

Аннелиза кое-как разобралась в сути дела и подключилась к обсуждению, что в нашем случае можно было бы предпринять.

– Если гора не идет к пророку, – обратилась она к Руди, – то пророку самому придется к ней подойти. Ну а поскольку настоящие денежные мешки, к большому сожалению, проходят мимо прекрасного магазинчика Лоры, то ей нужно сменить место расположения и перенестись во дворец какого-нибудь набоба!

Руди уже не воспринимал ее всерьез и отделался ответом, что у него-де нет для этого подходящего лотка, с каких торгуют вразнос. И все-таки арабское словечко «набоб» подсказало мне одну идею. Но я не стала сразу озвучивать ее, а отвела Руди в свою жилую комнату на первом этаже. Аннелиза предложила тем временем заняться в кухне приготовлением еды.

Как я и думала, мой последователь погряз в убытках. Только что я отчитала Руди за драгоценности, теперь настал черед взяться за его бухгалтерию. Увы, здесь царил хаос, и мне оставалось лишь удивляться, что банк решился выдать ему столь щедрый кредит. Финансы Руди беспокоили меня не только по соображениям гуманной заботы, но и из своекорыстных интересов. Из отступной суммы, за которую я ему передала магазин, он выплатил лишь маленький задаток.

– Дорогой мой! – воскликнула я. – Как можно было пойти на подобный риск? Тебя, наверное, в тот момент обуяла золотая лихорадка! Самым разумным в твоём положении было бы поехать с этим чемоданчиком в Цюрих и предложить вещи какому-нибудь известному ювелиру. Но мне пришла в голову другая идея...

Как всегда, спаржа Аннелизы удалась на славу. В качестве гарнира были поданы шварцвальдский окорок, молодой картофель и голландский соус. После клубничного торта-бэзе я рассказала об одном нашем бывшем клиенте. Он работал крупье в висбаденском казино. Семья же осталась в Италии. В принципе он был вполне достойным и уважаемым человеком, платил наличными и бегло говорил на нескольких европейских языках. Не кошерными казались только его истории с женщинами. Каждый раз, попав под обаяние очередной возлюбленной, он покупал для нее колечко старинной работы. Рассказывал всем им трогательную историю про то, что кольцо принадлежало его почившей матери, отчего таяли даже железные леди.

Благодаря ему у меня сложилась приблизительная картина, как формируется круг клиентов игорного дома. Определенную часть составляли любопытствующие туристы, но были также кандидаты из полусвета, кому требовалось отмыть свои денежки. Но особенно приветствовались нефтяные шейхи, для них траты на сотню тысяч евро не играли роли.

— Это идеальные клиенты, Руди! Если даме из гарема понравится диадема, то они определенно не станут долго торговаться. Тебе осталось лишь подъехать к какому-нибудь нефтяному шейху, и все твои проблемы в одночасье решатся.

После рислинга, который мы пили на обед, я откупорила бутылку шампанского. Собственно, я собиралась открыть ее на день рождения Аннелизы, но существует хорошее правило: отмечать праздники по мере того, как они случаются. Руди пьет быстро и много, Аннелиза постоянно чокается с ним и открывает еще одну бутылку, но уже не того качества. Они давно перешли друг с другом на «ты». Вдруг Аннелиза исчезает и вскоре появляется как примадонна в струящемся синем кафтане.

— Заклинаю всем святым, позволь надеть твои камни! — взмолилась она без театральной наигранности, и Руди не заставил себя долго упрашивать.

После Аннелизино превращения в диву я тоже решила не оставаться в тени, нахлобучила на свою поседевшую голову диадему и стала выглядеть как королева Елизавета Вторая. Что касалось дурачеств, то Руди никогда не оставался в стороне. Он тотчас обвешался всякими побрякушками, как рождественская елка, нацепил на нос сверкавшие бриллиантами очки и воткнул в ухо мундштук. Аннелиза, побряхтывая, взобралась на стол, — не знаю, считать ли ее длинный до земли наряд своеобразным гендикапом или счастливым обстоятельством, — и лихо принялась исполнять арии из оперетт. Когда она запела: «Мой главный в жизни идеал — свиньи, свиной шпик...», мы с Руди запрыгали вокруг стонавшего и скрипевшего стола, пока наконец диадема не соскочила с моей головы.

В сильно подвыпившем состоянии Руди не мог вести машину. У нас в мансарде для таких случаев была предусмотрена кровать со свежим бельем и зубной щеткой, и он с благодарностью принял предложение.

— По-п-пробую в-втереться в дру-зья, ведь с-со сво-ими никогда не то-оргу-ю-т-ся, — с трудом совладав с языком, пообещал Руди и полез на четвереньках вверх по лестнице.

На следующее утро я на удивление не чувствовала себя разбитой, наоборот, меня переполняли приятные ощущения, и я словно обрела окрыленность. Будто после ночи любви, хотя об этом многие годы не могло быть и речи. Потянувшись и с наслаждением зевнув, я вдруг сообразила, в чем дело: вчера я смеялась до колик. Это лучше любой гимнастики, подумала я и бодро выпрыгнула из постели. Что-то больно кольнуло в пояснице, но я не придала этому значения, — еще не хватало портить себе хорошее настроение.

Аннелиза тоже выглядела веселой и, к счастью, не напевала арии, а молча ставила булочки на стол. Я выключила радио и сняла с плиты засвистевший чайник.

— Какой восхитительный молодой человек, — прокомментировала она вчерашнее веселье. — Так и хочется обнять!

– По мне, так никто не мешает тебе немного пофлиртовать, но не рассчитывай на многое, – предупредила я, – он гомик с рождения.

– Я же не чокнутая, – сверкнув на меня глазами, обиженно парировала подруга. – Почему ты постоянно норовишь испортить мне удовольствие?

Пару секунд мы обе сердито смотрели в окно, но затем дружно рассмеялись.

Тянуть с утренним кофе и завтраком дальше было невмоготу, но мы решили не будить гостя – пусть выспится в тишине и покое. Магазин сегодня тоже пусть побудет закрытым.

И все же настроение Аннелизы беспокоило. Я попыталась втолковать ей, что не следует недооценивать Руди. Вчера он вел себя как клоун, однако его можно считать кем угодно, но только не легкомысленным человеком.

– По своему типу он скорее художник с утонченным вкусом, – объяснила я.

– Да поняла уже, поняла, – усмехнулась Аннелиза. – У меня и в мыслях не было переманивать его у тебя, ревнивая коза!

В этот момент в дверях появился Руди, и мы смутились. Хочется думать, он ничего не понял из нашей перебранки.

Руди порезался во время бритья и выглядел не так свежо, как вчера во время обеда. Он отказался от кофе и булочек и вместо этого вскипятил себе отдельно чай.

Похвально, конечно, что Руди сам себя обслужил, но надо же было ему схватить непременно нимфенбургскую чашку, которую я выставила для украшения! Он еще не сделал ни одного глотка, все размешивал и размешивал сахар; наконец его внимание приковала кухонная люстра, которая досталась Аннелизе от родителей. Колесо от телеги, закрепленное на потолке с помощью цепей, на колесе посажены четыре лампы в грубых кованых железных держателях. Мы с Аннелизой тем временем болтали о погоде.

– В Висбадене меня знает каждая собака, – внезапно и по-простецки грубо сказал Руди, – я не могу там приставать ко всем шейхам подряд. Меня быстро примут за проститута! Лучше нам начать в Баден-Бадене!

– Нам? – удивились мы с Аннелизой.

Выяснилось, что ночью Руди чуть ли не до утра ломал голову над этим вопросом и составил план. Если кто-то и умел одновременно сочетать в себе серьезность и невинность, так это две славные пожилые дамочки.

– Правильно, – кивнула я, – мы можем позволить себе ввозить контрабанду, воровать, торговать наркотиками, убивать, заниматься вымогательством и похищать людей с целью выкупа сколько угодно, и никто нас не заподозрит. Никто даже не сумеет описать наши личности, поскольку на нас давным-давно перестали обращать внимание. Мы – серые пантеры, невидимая армия призраков нации.

– Лора! – воскликнул Руди. – Как ты прекрасно сказала! Это как в «Мышьяке и старых кружевах»! Но я вовсе не собирался подвинуть вас на кражу!

Но главное тут – шутка. Аннелиза давно горела нетерпением что-нибудь отмочить и тут громко затянула:

– Тео, мы едем в Лодзь! Мы закатим там такой праздник, что забудем обо всем в мире!

Вот в чем заключался наш план: в холле самой изысканной гостиницы-санатория заказываем аперитив и рассматриваем крупных капиталистов. На Руди возлагается задача вступать с ними в разговор.

В качестве репетиции он разыграл перед нами сцену. Повязал на шарообразную вазу кухонное полотенце в красную клетку и стал нашептывать на ухо воображаемому шейху:

– Посмотрите назад, видите там, в кресле, мою двоюродную бабушку? Она очень знатного происхождения. Бедняга вчера просадила все свое состояние, и теперь ей не остается ничего другого, как расстаться с семейными драгоценностями!

– Чего уж, скажи сразу – прабабушка! – обиделась я. – Тети будет достаточно!

Моя подруга, которая всю жизнь переживала, что не попала на сцену, получила сильное впечатление.

– А какая роль уготована мне? – поинтересовалась она.

Шуточки Руди зачастую были на грани приличия. Вот и сейчас он прыснул со смеху:

– Моей няньки, естественно!

Я злорадно усмехнулась.

– Аннелиза будет играть важную роль второго плана – камеристку! – объявил Руди.

Аннелиза не согласилась ни с одним из этих предложений. Теперь и я со всей серьезностью выразила протест:

– Мы тут не собираемся разыгрывать ни «Марию Стюарт», ни оперу Моцарта! И на самом деле пожилых камеристок не бывает. Аннелиза будет поддерживать нас в качестве моей подруги, и ни слова больше!

– Тогда вперед, девочки! – подвел итог Руди, в котором проснулась жажда действия. – Принарядитесь и наведите марафет! Но ценные украшения ты лучше наденешь потом, Лора. Мне кажется, что так будет безопаснее.

Мы договорились, что поедем на моей машине. Отправляемся через час. От Шветцингена до Баден-Бадена километров сто, не более.

6

Во времена моего детства нежные прикосновения могли позволить себе влюбленные и ближайшие родственники, и только благодаря следующему поколению мы узнали, что и друзья могут обнять друг друга или поцеловать в щечку при встрече или прощании. Крепкое рукопожатие у нас, людей старшего возраста, все равно осталось основным способом выражать чувства. Думаю, мы с Аннелизой не смогли бы преодолеть неловкость, если бы спустя годы ни с того ни с сего нам пришлось целоваться. Удивительно, что мы это делаем с людьми моложе нас, с которыми и знакомы не так давно и такой тесной сердечной дружбы между нами нет.

Однако были и есть личности, кого я называю «любителями погладить по спинке». От этих не отделаешься одним лишь вошедшим в моду поцелуем, они игнорируют всякую дистанцию, на какую претендует современный человек. Они норовят подойти к тебе вплотную и преследуют, когда попытаешься от них незаметно увильнуть. Отвертеться от них можно, если отдаляться от первоначальной позиции потихоньку, метр за метром. К такому типу принадлежала одна моя бывшая клиентка, покойный муж Аннелизы тоже здорово грузил ближних. Мне без разницы, хотел ли он подобным образом завоевать меня или территорию; противно и то и другое, ненавижу, когда на меня насаждают и дышат в лицо.

Буркхард умел выглядеть обаятельным, и на его трюки я часто попадалась. Поскольку мы никогда не успевали вовремя приготовить посадочные места, – стулья или кресла ни за что не желали двигаться, – то он заботился о том, чтобы попридержать гостей некоторое время в прихожей. Затем, выставив вперед свой большой живот, загонял несчастные жертвы в гостиную и там стремился прижать к стенке, откуда они уже не могли сбежать от него. Аннелизе приходилось выручать зажатых между мужем и стеной гостей, прогоняя своего Харди в подвал за вином.

В последние годы жизни свою силу Харди употреблял, чтобы тиранить жену, поскольку у альфа-самца, страдающего недержанием, уже плохо получается «поглаживать по спинке». Как и многие другие больные со стажем, он стал ненавидеть здоровых. Дети давно нашли спасение в бегстве, не желая плясать под его дудку, и он решил отыгаться на Аннелизе. Она очень долго безропотно сносила его деспотизм.

За рулем я обычно предаюсь размышлениям. Я еду не торопясь по шоссе в направлении Базеля. Аннелиза сидит рядом и не подозревает, что я мысленно копаюсь в ее минувшем браке. Похоже, и она думала о чем-то своем. Вот уже полчаса мы были вынуждены безмолвствовать, потому что Руди сложился на заднем сиденье и уснул. Очень кстати. Не надо было ему видеть, что я веду автомобиль как копуша. Зато он твердо пообещал, что обратно сам повезет нас.

Для Аннелизы это тоже был особенный день. Ради нашей небольшой экскурсии она рассталась со своим обычным нарядом, в котором походила на огородное пугало. На ней был черный костюм, купленный по случаю погребения мужа – достойный повод для непредвиденной траты, – и сейчас она больше напоминала трубочиста. На темном фоне изумруды смотрятся выгоднее, шепнула она мне перед отъездом, потому что хотела еще раз приложить колье, прежде чем оно будет продано.

Перед съездом с автобана Руди проснулся, и мы смогли наконец поговорить. Аннелиза попросила высадить ее у вокзала.

– Как это понимать? – удивилась я. – Уж не собираешься ли ты увильнуть?

– Вероятно, я окажусь на месте даже раньше вас, – улыбнулась она. – Доберусь на такси. Вы еще будете искать, куда поставить машину, а я уже буду сидеть в отеле.

Мы с Руди ничего не поняли. Пришлось Аннелизе терпеливо объяснять:

– Если кто-то и обладает важной информацией, то водители такси. Но если хочешь разузнать о том, что творится вокруг, придется немного с кем-нибудь из них проехать.

По части такси у Аннелизы имелся многолетний опыт. Она хотя и сдала на права, но Харди практически никогда не подпускал ее к управлению. Постепенно она совершенно забыла, как это делается, и радовалась, что эту функцию я взяла на себя. Аннелиза еще раз брызнула себе в вырез пиджака «Шанель № 5», ухмыльнулась в мою сторону и направилась к вокзалу.

– Неплохая идея, – заметил Руди. – Я бы до такого не додумался. Хорошо, что теперь нам не придется искать нужный отель, надо просто ехать за ней следом.

– Да, Аннелиза – дельный человек, – усмехнулась я. – Интересно, где тут стоянка.

Когда мы вошли в выбранный заранее «Гранд-отель», Аннелиза сидела в углу вестибюля, откуда хорошо просматривалось все, что здесь происходило. Она нам помахала рукой, и пока мы делали заказ, начала рассказывать. Рюмка кампари уже стояла перед ней.

– Забудьте о нефтяных шейхах, – сказала Аннелиза, – весной все они на Лазурном Берегу. Тут только один, некий эль Латиф бин что-там, который проходит курс лечения в клинике. – Я почему-то подумала об общей липосакции.

Мне захотелось снять с себя украшения, так как узкое кольцо из белых кораллов сдавливало горло. Но Аннелиза остановила меня властным жестом, ее глаза горели триумфом.

– Без паники, дорогая! Сегодня здесь полно русских нуворишей. А их жены любят надевать на себя как можно больше украшений. Уверена, нам улыбнется удача! Ты только погляди, вон появились первые!

Втроем мы повернулись к парадной двери, распахнутой портье для светской пары. Мужчина показался мне тучноватым для своего возраста, который я оценила между сорока и пятьюдесятью, и нельзя было сказать, что он выглядел нарочито нарядно. Однако Руди мгновенно высмотрел у него на запястье «Ролекс», а также определил дорогую марку несоразмерно больших затемненных дизайнерских очков. Его спутница была моложе лет на десять. Ни о какой сдержанности или изысканной элегантности этой особы и речи быть не могло. Стройная, но не лишенная женских округлостей, с обесцвеченными волосами, сильно окрашенная и из-за шпилек возвышающаяся над кавалером. Короткая юбка с жакетом от костюма стоили целое состояние. Золото поблескивало на шее, на ушах и на пальцах. Дама не скрывала, что ей доставляет удовольствие притягивать к себе взгляды, и задержалась в центре холла. Ее партнер тем временем искал свободные кресла.

– Ты довольна? – гордо спросила Аннелиза. – Русские еще в девятнадцатом веке любили приезжать в Баден-Баден, некоторые здесь приобретали дома. Курорт стал чем-то вроде русской колонии, и сегодня тут мало что изменилось. Здесь просаживали деньги знаменитые русские писатели, сама царица Елизавета посещала так называемую летнюю столицу Европы.

– Похоже, ты выучила наизусть всего Бедекера? – съехидничала я. Выяснилось, что все сведения она почерпнула у таксиста.

– Русским и сегодня рады, – продолжила Аннелиза. – Правда, нынешние не так образованны и культурны, как их предки. Однако на деньги они не скупятся. Потребление икры увеличилось в несколько раз, ведь каждый пятый гость из Москвы. И очень многие славистки нашли работу в парфюмерных салонах или бутиках, торгующих предметами роскоши.

Я вспомнила, что русские клиенты сейчас готовы платить по максимуму и за живопись XIX века.

Тем временем предполагаемый русский нашел столик, пододвинул кресло своей спутнице и знаком подозвал официанта. При этом он несколько раз поглядывал на часы и на

вращающуюся дверь. Нам с Аннелизой пришлось взять себя в руки и не паяться слишком заметно на нашу жертву. Руди волновался, что у него не хватит смелости.

– Ребята, ребята, это же чистое безумие! – причитал он. – Не могу я вот так просто возникнуть перед ними и как фокусник вытряхнуть диадему из рукава!

– Полно, трусишка, – усмехнулась я, – тебе надо всего лишь с ними пообщаться! Они, скорее всего, говорят по-английски, а возможно, и по-немецки. Кроме того, в этом деле не нужно гнать лошадей. Для начала просто понаблюдаем.

В холле появилась вторая пара, одетая в том же духе, только у женщины были темные волосы. Они бурно приветствовали друг друга, как обычно приветствуют люди в отпуске, у которых прекрасное настроение. Брюнетка заняла место напротив блондинки и принялась разворачивать свои покупки, чтобы похвастаться перед подругой. Похоже, она крепко прочесала шикарные магазинчики в крытой галерее лечебного здания курорта.

– Все от Прада и Гуччи, – оценила я вслух ее приобретения.

Мужчины даже не присели и теперь, развернувшись, направились в соседний зал. Руди схватился за голову.

– Ну вот, начались кошмары, – простонал он. – Скажите еще, что я должен подлизаться к этим козам!

Аннелизе захотелось повторить кампари.

– А вы не хотите? – спросила она. Однако официант не спешил подойти. Подруга забеспокоилась, встала и оставила нас вдвоем. Уверена, что она пошла искать туалет.

Минут через пять Аннелиза вернулась.

– Официант так и не появился? – поинтересовалась она. – Теперь ясно, что происходит в соседнем зале. Две древние француженки с длинными красными ногтями раскладывают пасьянс. Ну чистое кино! А наши русские склонились над шахматной доской. Ты играешь в шахматы, Руди?

– Немного. Меня в детстве учил отец, но...

– Вот и чудесно! Тогда ты можешь встать поблизости и комментировать! – провозгласила Аннелиза. – За Карповым и Каспаровым всегда стоят три наблюдателя, которые то и дело вставляют словечко.

– Кто бы мог подумать, что из тебя выйдет тайная агентша, – не удержалась я от похвалы и отправила Руди в игровой зал.

Ему стоило усилий преодолеть себя.

– Когда появится официант, закажи мне три водки! И шесть яиц по-русски! Да, и присмотри за моими сокровищами! – попросил он напоследок и пододвинул поближе ко мне, не доставая из-под стола, чемоданчик с драгоценностями. И пошел с высоко поднятой головой, как матадор, привыкший смотреть смерти в лицо.

Долгое время ничего не происходило, но потом появился официант, и Аннелиза заказала себе кусок торта. Нетерпение нарастало. Женщины шахматистов, видимо, жили в этом отеле, по-домашнему распорядились вещами, заказали еще чаю с пирожными и ворковали, как голубки.

Мне это надоело, и я взяла инициативу в свои руки.

– Для разнообразия пойду-ка и я пошпионю, – сообщила я Аннелизе, – а ты не спускай глаз с сокровищ Руди.

Она пообещала стеречь их как зеницу ока, и я незаметно, огибая столики, за которыми сидели другие гости, приблизилась к таинственному салону. Там в это время за двумя столиками играли в шахматы: за одним сидели оба русских, за другим – Руди с каким-то молодым человеком в темно-синем свитере, который не походил на внезапно разбогатевшего. Я

пристроилась у него за спиной, сделав вид, будто мне жуть как интересно, какой фигурой он собирается пойти.

– Check! – внезапно воскликнул Руди.

Его противник прикурил сигарету; в пепельнице громоздились окурки. Руди по-прежнему не замечал меня. Разозлившись, я задала ему вопрос:

– И как долго это будет продолжаться?

Оба игрока подняли головы, и Руди объявил на английском, что я его тетя. Незнакомец привстал, как того требуют правила вежливости, и протянул мне руку. Улыбаясь, он показал на своего визави и объявил с сильным акцентом:

– Руди – большой мастер!

Похоже, они успели подружиться.

Руди похожим жестом указал на нового знакомого и сказал:

– Nikolai is world champion!

Оба звонко рассмеялись, а я снова извинилась.

Вернувшись к Аннелизе, я увидела, что она украсила себя изумрудным колье. В холле появился пианист. Он поклонился русским женщинам и заиграл.

– Чайковский, сюита из «Щелкунчика», – с видом знатока прокомментировала Аннелиза. – Надо, пожалуй, поинтересоваться, нет ли в его репертуаре «Песни о Волге», а то...

– Аннелиза, если ты начнешь здесь проявлять себя, я немедленно отправлюсь домой, причем без тебя, – заявила я.

Желая меня подразнить, она тихо пропела мне на ухо:

Над Волгою часовой стоит,
Он ради родины не спит,
Во тьме ночной один вдали,
На вахте на краю земли.

Из чистого озорства я ей подпела:

Как в небесах Ты меня мог забыть?
Так хочется сердцу Тебя любить!
Ангелов много в Твоей вышине —
Так пошли одного Ты ко мне!

Молодые дамочки за чайным столиком повернули головы в нашу сторону, потому что мы хохотали, словно девочки-подростки, забыв о приличиях. Нас выручил Руди, посланный как ангел на подмогу, иначе бы мы сами не уgomонились. Его в самом деле будто ниспослало небо. Глаза Руди сияли. Но вместо того, чтобы сообщить благую весть, он махом опрокинул рюмку водки со словами:

– Настрове! Мне нужно обратно, у нас еще одна партия!

7

Аннелиза ухватила легкомысленного ангела за рукав.

– Ты останешься здесь! – распорядилась она, потребовав разъяснений, в котором часу она может рассчитывать на возвращение домой. – Мне еще нужно до темноты полить цветы!

С выражением искренней любезности Руди откинулся на спинку кресла и строгим взглядом проверил, на месте ли чемоданчик с драгоценностями. Затем быстрым движением схватил половину куска торта с тарелки Аннелизы и запихнул себе в рот. Но как бы Руди ни спешил, он сгорал от нетерпения сообщить нам сенсацию. Поэтому он жевал и говорил одновременно:

– Вот так удача, до сих пор не могу поверить! У партнера по шахматам та же проблема – разные размеры ног и, соответственно, ботинок. Был бы он как я, только наоборот, мы могли бы покупать пару одинаковых моделей и меняться левыми или правыми ботинками, и здорово бы друг друга дополняли. Но, увы, у него тот же случай, что и у меня: правая нога больше!

Аннелиза сообразила, что прямо сейчас решался вопрос жизни и смерти.

– Значит, все это время вы общались на тему ботинок? – возмутилась я, теряя самообладание. – Ты не понимаешь, что на кону стоит твое финансовое благополучие?

Руди пытался оправдаться: он, как и было условлено, поглядывал за спину партнера и будто невзначай, как человек сведущий в игре, высказал предложение о том, как лучше ходить. По крайней мере, он так думал. Результатом стал веселый смех. Позже один из шахматистов объяснил ему причину этой веселости:

– You are just like Nikolai!

Николаем был второй наблюдатель, его недавний партнер, тот чуть раньше сам осрамился подобным образом. Принесли вторую доску и усадили за нее обоих новичков, чтобы их неквалифицированные комментарии не мешали думать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.